

В.И. Собоьщиков

**Обзор больших библиотек
Европы в начале 1859 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Соболев**
Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года / В.И. Соболев –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 91 с.

ISBN 978-5-518-10485-3

Из Журнала Министерства народного просвещения 1859 г., № 10 и 11.

ISBN 978-5-518-10485-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лондонѣ, Парижѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и проч. Сверхъ-того мнѣ, какъ бібліотекарю, поручено было обратить вниманіе на формы каталоговъ и порядка хранения книгъ. Пробывъ за границею два мѣсяца, февраль и мартъ, я, при помощи желѣзныхъ дорогъ, успѣлъ объѣхать все упомянутыя города, и осмотрѣть до двадцати бібліотекъ. Изъ всего видѣннаго мною наиболѣе замѣчательны бібліотеки Лондона, Парижа и Мюнхена; но для полноты свѣдѣнія я представлю въ краткомъ очеркѣ все, что видѣлъ, и въ томъ порядкѣ, какъ видѣлъ.

Вѣнская публичная бібліотека, носящая названіе придворной (Hof-Bibliothek), произвела самое невыгодное впечатлѣніе на меня, привыкшаго видѣть кипучую дѣятельность нашей Императорской Публичной Библіотеки. Внѣшность зданія изящна и даже роскошна, архитектуры временъ Людовика XIV, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то мрачна и пустынна. Предъ главнымъ фасадомъ обширная, безлюдная площадь, а въ самомъ зданіи не видно входа: его надобно искать гдѣ-то въ углу. По холодной парадной лѣстницѣ, выстланной, для сбереженія ступеней, досками, я вошелъ въ холодную пріемную, откуда меня ввели въ главную, также холодную, залу бібліотеки. Зала эта громаднa размѣрами: шириною своею она занимаетъ всю глубину строенія и тянется по всей длинѣ главнаго фасада. Она раздѣлена на три части, изъ которыхъ средняя имѣетъ овальную форму, что не мѣшаетъ однакожь, съ перваго шага, видѣть всю ея длину и весь художественный ея эффектъ. Какъ архитектурное произведеніе, главная зала Вѣнской придворной бібліотеки весьма замѣчательна. Въ ней художникъ развилъ много фантазій и вкуса. Убранство залы великолѣпно: скульптура, позолота, превосходная живопись на плафонахъ, все это такъ хорошо, что въ художественномъ отношеніи зала можетъ удовлетворить самого взыскательнаго судью, но за то въ-отношеніи практическомъ, какъ помѣщеніе для бібліотеки, она не можетъ служить образцомъ современному намъ архитектору. Переходя отъ архитектуры залы къ шкафамъ и къ книгамъ, глазъ встрѣчаетъ прежде всего ряды громадныхъ приставныхъ лѣстницъ, разставленныхъ повсюду во множествѣ. Лѣстницы эти очень вредятъ убранству залы, но онѣ необходимы. Шкафы раздѣлены на два яруса, каждый аршинъ 8 вышины. Верхній ярусъ устроенъ на широкой галереѣ съ мраморными колоннами, также загроможденной приставными лѣстницами. Не смотря на прочность этихъ

лѣстницъ и на ихъ грозную величину, библиотекари должны имѣть много отваги, чтобъ доставать книги съ верхнихъ полокъ.

Книги въ шкафахъ разставлены въ такомъ-же порядкѣ, какъ у насъ, т.-е. раздѣлены на главные предметы и потомъ подобраны по величинамъ. Эта система разстановки, какъ мы уже знаемъ по опыту, значительно облегчаетъ отыскиваніе книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность красиво располагать ряды переплетовъ. Въ главной залѣ книги въ старыхъ Французскихъ переплетахъ дополняли-бы эффектъ роскошной архитектуры, еслибъ не скучные ряды приставныхъ лѣстницъ. Въ легионахъ томовъ, наполняющихъ шкафы главной залы, *стоитъ* собраніе болѣе 100,000 гравюръ. Ящики, въ которыхъ онѣ хранятся, сдѣланы въ видѣ переплетенныхъ фоліантовъ и поставлены на полкахъ наравнѣ съ книгами. Миѣ не случилось видѣть, чтобы эстампы, наклеенные на отдѣльныхъ листахъ, стояли какъ книги: они отъ собственной тяжести опускаются и гнутся.

Кромѣ главной залы, я видѣлъ еще двѣ небольшія комнаты: въ одной изъ нихъ хранятся старопечатныя книги (*incunabula*), а въ другой— рукописи. Библиотека такъ мало оживлена внутреннею дѣятельностью, что обѣ эти комнаты остаются постоянно съ закрытыми ставнями. По моей просьбѣ ихъ открыли и дали подивиться множеству вещей, замѣчательныхъ въ высшей степени. Древнѣйшія, начиная съ IV вѣка, рукописи, цѣлыя книги палимпсестовъ, ксилографы, рѣдчайшія инкунабулы—все это наполнялось здѣсь вѣками, все это краснорѣчиво повѣствуетъ о блистательномъ прошедшемъ Вѣнской библиотеки.

Въ холодномъ зданіи библиотеки для читателей натоплены двѣ небольшія комнаты, но натоплены невыносимо. Кромѣ слишкомъ высокой температуры, въ нихъ чувствуется какая-то неприятная сухость, очевидно отъ дурнаго устройства печей, которыя, какъ я вообще замѣтилъ въ Вѣнѣ, служатъ для временнаго нагрѣванія. По вечерамъ, когда въ библиотекѣ никого нѣтъ, читальныя комнаты такъ-же холодны, какъ и прочія. Комнаты для чтенія отдѣлены отъ залы книгохранилища приемою. Въ одной изъ комнатъ публика занимается печатными книгами, въ другой— рукописями и рѣдкими экземплярами печатныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ читателями сидятъ и библиотекари: Барчъ, Миклосичъ, Вольфъ и др. Читателей я нашелъ не болѣе 10 человекъ. Въ связи съ читальными находится еще третья, также теплая комната, въ которой работаютъ младшіе библио-

текари и стоятъ ряды картонныхъ ящиковъ съ карточками каталога. Каталоговъ я видѣлъ два: алфавитный, общій всей библиотекѣ, написанный на карточкахъ и хранящійся въ тщательно-закрытыхъ картонкахъ, и инвентарный, списанный въ книгахъ и переплетенный какъ у насъ. Мнѣ показывали старый алфавитный каталогъ, который былъ написанъ на тетрадахъ и переплетенъ со множествомъ запасныхъ, бѣлыхъ листовъ для вписыванія дополненій. Опытъ доказалъ, что никакіе запасы бѣлой бумаги недостаточны для дополненій; вслѣдствіе чего, старый каталогъ, переписавъ на карточки, отложили, какъ бесполезную вещь. Публика вообще къ каталогамъ не допускается, но ученымъ, умѣющимъ цѣнить библиографическую работу, не запрещается дѣлать въ нихъ свои розысканія. Систематическаго каталога еще нѣтъ, и мнѣ сказали, что онъ дѣлается, но едва-ли онъ нуженъ при такомъ незначительномъ числѣ читателей. Въ Вѣнѣ есть нѣсколько библиотекъ доступныхъ публикѣ,—библиотекъ, богатыхъ новыми книгами, гдѣ можно, на извѣстныхъ условіяхъ, получать книги даже для занятій дома. Удивительно-ли послѣ этого, что главная библиотека, оставленная строгими формальностями и открытая не болѣе 4-хъ часовъ въ день, мало посѣщается публикой?

Разсматривая каталогъ, я замѣтилъ въ немъ, между прочимъ, два экземпляра перваго изданія (*editio princeps*) Герберштейна, Вѣна 1549. Я попросилъ показать мнѣ оба экземпляра и мнѣ достали ихъ въ минуту. Одинъ изъ нихъ оказался съ собственноручными замѣтками автора, но замѣтки эти не что иное, какъ корректурныя поправки. Для ученаго, пользующагося сочиненіемъ Герберштейна, поправки его не могутъ имѣть никакого значенія: онѣ любопытны только какъ автографъ знаменитой личности.

Говоря о Вѣнской библиотекѣ, я не могу не упомянуть о радушіи и любезности одного изъ ея библиотечарей, знаменитаго Миклосича. Узнавъ, что я Русскій онъ принялъ меня не какъ соплеменника, а какъ земляка, и самъ показалъ мнѣ свое отдѣленіе во всей подробности. Памятниковъ Славянской письменности у него много, но Русскій только одинъ: Октоихъ съ нѣсколькими главами изъ Евангелія, рукопись уставнаго письма XIII вѣка на пергаментѣ. Разсуждая о значеніи публичныхъ библиотекъ, о пользѣ, которую онѣ приносятъ наукѣ, Миклосичъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій съ нимъ въ одной библиотекѣ,—случай, показывающій какъ иногда хранители бываютъ завистливы и злобно вре-

дать людямъ, совѣстливо служащимъ наукѣ. Одинъ путешественникъ, придя въ Вѣнскую библіотеку и встрѣтясь съ Миклосичемъ, рассказалъ ему, между прочимъ, что въ одной изъ Германскихъ библіотекъ онъ видѣлъ очень древнюю рукопись и замѣтилъ на поляхъ ея надписи: *de rebus bulgaricis* и *de rebus russicis*. Рукопись эта Миклосичу не была извѣстна и въ рассказъ путешественника возбудилъ въ немъ, очень-естественно, живѣйшее любопытство. Воспользовавшись первымъ досугомъ, Миклосичъ отправился въ извѣстную ему библіотеку, явился къ хранителю и сказалъ что ему нужно, упомянувъ простосердечно о надписяхъ на поляхъ. Хранитель попросилъ подождать и, спустя нѣсколько времени, принесть желанную рукопись, но, пересматривая ее, Миклосичъ указанныхъ надписей на поляхъ не нашелъ. Онъ сказалъ объ этомъ одному изъ бывшихъ тутъ служителей библіотеки, и узналъ, по секрету, что хранитель, прежде нежели выдастъ ему рукопись, отыскалъ самъ надписи и соскоблилъ ихъ. Тогда Миклосичъ сталъ искать соскобленныхъ мѣстъ, нашелъ то, что ему было нужно, не встрѣтилъ въ указанныхъ мѣстахъ ничего особенно любопытнаго, но долго удивлялся тому, что встрѣтилъ въ самомъ хранителѣ. Скромный Миклосичъ, рассказывая мнѣ объ этомъ, не назвалъ ни путешественника, ни библіотеки, ни рѣдкаго въ своемъ родѣ хранителя рукописей.

Кромѣ Hof-Bibliothek я видѣлъ въ Вѣнѣ еще двѣ библіотеки: академіи наукъ и статистическаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ. О первой изъ нихъ сказать нечего: она, при нынѣшнемъ обновленномъ управленіи академіи, возстаетъ изъ хаотическаго состоянія, въ которомъ до-сихъ-поръ находилась. Библиотека статистическаго отдѣленія есть собраніе всего печатаемаго во владѣніяхъ Австріи. На обязанности полиціи лежитъ наблюденіе на непремѣнную доставку сюда всякаго печатнаго произведенія, выходящаго изъ Австрійскихъ типографій. Начальникъ этого отдѣленія, г. Вурцбахъ фонъ-Танненбергъ, просматриваетъ внимательно всѣ новыя книги и газеты, дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ рецензій, изображаетъ духъ и направленіе современной письменности и особыми рапортами доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра. Вслѣдствіе этого составляются въ существующемъ при министерствѣ *bureau de la presse* (такъ называлъ г. Вурцбахъ) статьи для газетъ, которыми иное ученіе опровергается, другое поддерживается, третье перетолковывается и такимъ образомъ,

по собственному выраженію г. Вурцбаха, правительство держитъ постоянно въ рукахъ возжу, которою даетъ сообразное съ своими цѣлями науравленіе всѣмъ стремленіямъ Австрійскихъ умовъ. Библиотека статистическаго отдѣленія имѣетъ совершенно особенный характеръ. Она не очень велика и состоитъ изъ книгъ болѣею частью брошированныхъ, которыя были прочитаны одинъ только разъ для отчета. Порядокъ ея и каталоги просты и удобны какъ въ большой Hof-Bibliothek, но поучительнаго ничего не представляютъ.

Хотя данное мнѣ порученіе касалось только библиотекъ, и въ обзорѣ моемъ я ни о чемъ другомъ не долженъ-бы говорить, но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ одномъ Вѣнскомъ учрежденіи, замѣчательномъ въ высшей степени, это — государственная типографія (Staatsbuchdruckerei). По степени совершенства работъ своихъ, типографія это есть лучшая, а по устройству единственная въ Европѣ. Кромѣ типографскихъ станковъ, въ ней есть литографія, гальванопластическое отдѣленіе съ различными примѣненіями къ искусству тисненія, фотографія со всѣми современными усовершенствованіями и множество другихъ вспомогательныхъ техническихъ производствъ. Все заведеніе устроено и поддерживается такъ, чтобы предположennыя цѣли были достигаемы вполне. Нѣтъ излишествъ, нѣтъ и недодѣлокъ ни въ чемъ. Во всѣхъ мастерскихъ приборы и инструменты расположены удобно, одно другому не мѣшаютъ; не замѣтно ни гдѣ нечистоты, которая вредила-бы опрятности работъ, но нѣтъ также нигдѣ и педантской чистоты, которою иногда щеголяютъ управляющіе, чтобъ показать, какъ говорится, лицомъ свое заведеніе и между тѣмъ забываютъ о существенномъ. Все заведеніе расположено въ очень небольшомъ строеніи въ шести этажахъ и, при сложности своей, производитъ такое множество работъ, что въ настоящее время касса типографіи имѣетъ запаснаго капитала болѣе 3 милліоновъ гульденовъ (около 2,000,000 рублей серебромъ). Причины этихъ результатовъ очевидны. Правительство, основавъ типографію, назначило директоромъ ея г. Ауера. Выборъ этотъ былъ удаченъ какъ нельзя больше. Г. Ауеръ, дѣйствительный членъ Вѣнской академіи наукъ, занимаясь своимъ дѣломъ съ любовью, улучшилъ и развилъ ввѣренное ему заведеніе до цвѣтущаго состоянія. Отдавая правительству отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, онъ не нуждается однакожь въ разрѣшеніяхъ прибавить ту или другую ма-

стерскую, усилить или уменьшить какое-нибудь производство. Дѣйствуя независимо онъ ищетъ только улучшать и развивать свое заведеніе, употребляетъ данныя ему средства съ знаніемъ дѣла и пришелъ къ тому, что государственная Вѣнская типографія, въ техническомъ отношеніи, не имѣетъ себѣ равной и, сверхъ-того, экономическія суммы ея считаются милліонами. Г. Ауеръ не перестаетъ дѣйствовать энергически и съ своимъ капиталомъ онъ предполагаетъ завести еще обширную типографію на совершенно-иныхъ основаніяхъ, съ иными цѣлями. Главная особенность его будущей предполагаемой типографіи будетъ состоять въ томъ, что онъ устроитъ ее въ связи съ большою бумажной фабрикой. Соединеніемъ этимъ г. Ауеръ надѣется достигнуть никому еще неизвѣстныхъ выгодъ. На бумажной фабрикѣ, которая будетъ работать исключительно для одной типографіи, сохранятся всѣ расходы на сушку, обрѣзываніе, укладываніе въ дести и стопы, увязываніе, нагрузку, перевозку и проч. Весь этотъ трудъ будетъ составлять чистый барышъ соединенія бумажной фабрики съ типографіей. Г. Ауеръ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о замышляемомъ имъ предпріятіи, но я не считаю себя въ-правѣ высказывать ихъ преждевременно.

Въ Вѣнской государственной типографіи съ особеннымъ вниманіемъ я рассматривалъ фотографическую мастерскую, имѣя въ виду будущую фотографическую мастерскую нашей Императорской Публичной Библіотеки. Нѣкоторыми замѣченными мною подробностями я постараюсь воспользоваться при устройствѣ фотографическаго заведенія у насъ, но главная особенность, замѣченная мною въ Вѣнѣ, останется у насъ не примѣнимою по причинѣ климата, это — мастерская поверхъ крыши. Я былъ въ Вѣнской типографіи $\frac{5}{17}$ февраля и безъ верхняго платья простоялъ на платформѣ крыши съ четверть часа, не чувствуя особеннаго холода. Правда, что это было въ тихую, ясную погоду и въ полдень. Здѣсь при мнѣ дѣлали негативы съ рисунковъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и то, что они сдѣлали въ 2—3 минуты, мы, подъ нашимъ февральскимъ небомъ и подъ стеклянною крышей, едва-ли успѣемъ сдѣлать въ 2—3 часа.

Изъ Вѣны я отправился въ Прагу и попалъ въ совершенно-иной міръ: здѣсь если не пахнетъ Русью, то можно сказать, что Прага дышетъ Русью. Патріархъ чешской націи, В. В. Ганка, принялъ меня радушно и самъ показывалъ мнѣ Чешскій музей,

который находится въ его завѣдываніи. Дѣятельность его замѣчательна. Иноплеменное владычество внесло свой элементъ въ Чешскую землю, но Ганка стоитъ на стражѣ и посвящаетъ всѣ свѣи успія тому, чтобъ поддержать національность Чеховъ. Его молитвенники, въ которыхъ часто упоминается Чешская земля, его собранія національныхъ пѣсень, въ которыхъ вспоминаются славныя прошедшія времена Чехіи, его учебныя книги Чешскаго языка, все это расходится изданіе за изданіемъ и популярность маститаго Ганки поддерживается и даже растетъ. Въ настоящее время онъ усердно занимается изданіемъ въ свѣтъ книжки богослуженія Греко-восточной церкви на Чешскомъ языкѣ. Трудно понять, что побудило его предпринять это изданіе въ католической странѣ, но у него есть мысли, которыхъ онъ не высказываетъ. Въ Прагскомъ университетѣ, по требованію правительства, всѣ курсы читаются на Нѣмецкомъ языкѣ, а Ганка, одинъ Ганка читаетъ исторію Чешской литературы на чешскомъ и читаетъ безмездно, только-бы говорить съ молодымъ поколѣніемъ Чеховъ на ихъ родномъ языкѣ. На всѣ официальные Нѣмецкія бумаги, присылаемыя ему властями, какъ къ начальнику музеума, онъ отвѣчаетъ на Чешскомъ и, когда однажды ему это было постановлено на видъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ не отваживается писать дѣловыхъ бумагъ на языкѣ для него чуждомъ, потому что опасается или употребить неприличное выраженіе, или исказить смыслъ дѣла, и тѣмъ повредить себѣ или музеуму.

Въ Чешскомъ музеумѣ книги поставлены также, какъ и въ Вѣнѣ, т.е. не по содержанію, а по форматамъ, но такъ-какъ бібліотека музеума богата больше бібліографическими рѣдкостями, нежели количествомъ книгъ, то каталоги ея не представляютъ ничего любопытнаго или назидательнаго. Витрины съ рукописями и инкунабулами очень немнога, но за то онѣ переполнены. Все выставленное въ нихъ расположено такъ, что обозрѣвающій ихъ не перемѣняя мѣста, видитъ вдругъ множество вещей. При всѣхъ выставленныхъ предметахъ находятся объяснительныя карточки, писанныя рукою Ганки. Между прочими рѣдкостями я видѣлъ пергаменный листъ Чешкой рукописи, которая по почерку и золотой заглавной буквѣ можетъ-быть отнесена къ XIII столѣтію. Листъ этотъ подаренъ музеуму однимъ врачомъ, получившимъ его въ Грацѣ (Штирійскій Градецъ) отъ одной торговки, которая продала ему кусокъ сыру и завернула въ этотъ листъ. Врачъ, раз-

смотрѣвъ дома обертку, воротился немедленно къ торговкѣ, чтобъ купить у нея драгоценный памятникъ старины, но та сказала, что этотъ листъ былъ послѣдній и что она берегла его потому только, что на немъ есть золотая буква, но по недостатку оберточной бумаги она рѣшилась и его употребить, чтобы завернуть проданный господину доктору кусокъ сыру.

Прагская публичная библіотека есть библіотека университетская. Она состоитъ подъ управленіемъ знаменитаго Шафарика. Зданіе, въ которомъ она помѣщается, принадлежало прежде іезуитскому коллегіуму. Въ двухъ залахъ и теперь еще сохранились слѣды богатства и роскоши іезуитскаго ордена: изысканная архитектура XVII в., скульптура, позолота, живопись, зеркальныя стекла въ нѣкоторыхъ шкафахъ, все показываетъ, что прежніе владѣльцы зданія не были чужды желанія блеснуть внѣпльностью. Прочія залы, очень просторныя и свѣтлыя, не убраны вовсе. Кромѣ читальной залы, гдѣ работаютъ и библіотекари, во всемъ остальномъ помѣщеніи библіотеки холодно. Библіотека раздѣлена на двѣ главныя части: національную, которая пополняется новыми приобрѣтеніями, и на рядъ отдѣльныхъ библіотекъ, которыя были въ различныя времена даримы коллегіуму и потомъ университету и сохраняютъ до-сихъ-поръ первоначальную свою цѣлость. Национальная библіотека раздѣлена на 44 отдѣленія. Книги стоятъ не по содержанію или алфавиту, а по величинамъ. Каждое изъ 44 отдѣленій и каждая изъ отдѣльныхъ библіотекъ имѣютъ особые алфавитные каталоги, написанные въ книгахъ. При такомъ мелкомъ подраздѣленіи каталоги эти замѣняютъ отчасти систематическій. Кромѣ этихъ каталоговъ, есть еще общій алфавитный, написанный на карточкахъ, и инвентарный, въ которомъ, кромѣ главнаго слова (Stichwort), нѣтъ ничего. При всей краткости своей, каталогъ этотъ удовлетворителенъ вполне. Общій алфавитный каталогъ находится въ читальной залѣ, но не въ той части ея, гдѣ сидятъ приходящіе читатели, а за балюстрадою, гдѣ занимаются библіотекари. Здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, карточки для каталоговъ предпочитаются книгамъ. Всѣ приращенія вписываются въ каталогъ не разрушая его формы. Карточки каталога поставлены въ деревянные выдвигаемые ящики съ наклеенными бумажными этикетками, на которыхъ означены части алфавита, находящіяся въ каждомъ ящикѣ.

Относительно посѣтителей, занимающихся въ читальной залѣ,

въ Прагской библіотекѣ не существуетъ никакого порядка. Всѣ приходящіе работаютъ вмѣстѣ съ бібліотекарями, получаютъ и отдаютъ книги безъ всякихъ формальностей. Противъ злонамѣренныхъ читателей принята одна только предосторожность, но и та слишкомъ слабая: въ-виду всѣхъ читателей сидитъ на скамейкѣ столѣтній ветеранъ и наблюдаетъ за ними, но едва-ли онъ что-нибудь видитъ.

Дрезденская бібліотека, послѣ прагскихъ патриархальныхъ, была для меня явленіемъ совершенно-новымъ и очень-любопытнымъ. Она помѣщается въ красивомъ зданіи, извѣстномъ подъ названіемъ *Jarapicshes Palais*. Изъ обширныхъ и совершенно-безполезныхъ сѣней, похожихъ на галерею, я взшелъ на парадную лѣстницу, отличающуюся крайнею неопрятностью. Въ передней, за низкой рѣшеткой, сидятъ директоръ и бібліотекари. Слѣдующая затѣмъ, довольно-обширная зала назначена для читателей, которыхъ я засталъ немного, потому, что здѣсь безъ труда можно получать книги на домъ: бібліотека ежегодно отпускаетъ такимъ образомъ болѣе 15,000 сочиненій. Въ читальной залѣ въ шкафахъ разставлено до 10,000 сочиненій, постоянно требуемыхъ посѣтителеми, т.-е. разнаго рода словарей, энциклопедій, каталоговъ и проч. Книги эти выдаютъ сію-же минутой каждому посѣтителю, но на домъ ихъ не отпускаютъ.

Разстановка книгъ бібліотеки и форма каталоговъ показась мнѣ крайнѣ-неудовлетворительными, послѣ всего, что я видѣлъ до Дрездена. Книги въ шкафахъ размѣщены по системѣ довольно-странной. Самый обширный отдѣлъ бібліотеки есть исторія, раздѣленная по государствамъ. Отдѣлъ этотъ оказался главнымъ потому, что въ Дрезденской библіотекѣ исторія принимается не въ томъ смыслѣ, какъ вездѣ: въ исторію входятъ тамъ сочиненія всѣхъ другихъ наукъ, имѣющія отношенія къ каждому изъ государствъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ истории Россіи, я встрѣтилъ Палласа *Flora rossica*. Смѣшанныя такимъ образомъ книги всѣхъ наукъ стоятъ въ каждомъ отдѣлѣ по старшинству изданій и каждый отдѣлъ начинается, конечно, съ самыхъ старыхъ нукунабузъ. Особаго опредѣленія старопечатныхъ книгъ въ Дрезденской библіотекѣ нѣтъ. Систематическій каталогъ написанъ совершенно въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ книги стоятъ на полкахъ. Этотъ же каталогъ служитъ вмѣстѣ и инвентаремъ бібліотеки. Запеченный съ незапамятныхъ временъ инвентарно-систематическій каталогъ по-

полняется наравнѣ съ библіотекою и на нѣкоторыхъ страницахъ дополненія вписаны такъ тѣсно, что вставить еще что-нибудь нѣтъ никакой возможности. Я спросилъ библіотера: что они дальше будутъ дѣлать? и узналъ, что есть предположеніе приступить къ переписыванію всего каталога. Въ какомъ видѣ онъ будетъ переписанъ, это еще неизвѣстно. При этой разстановкѣ книгъ помѣщеніе вновь-поступающихъ сочиненій есть дѣло не легкое. Получивъ, напримѣръ, книгу о скотоводствѣ въ Англіи, библіотекаръ записываетъ ее въ инвентарно-систематическій каталогъ, въ исторію Великобританіи, въ то мѣсто, гдѣ по году изданія книга должна стать, означаетъ на ней нумеръ предъидущаго сочиненія, съ прибавкою одной или двухъ буквъ, по системѣ Эберта, потомъ съ этимъ-же указаніемъ мѣста вноситъ заглавіе книги въ алфавитный каталогъ и наконецъ идетъ въ библіотеку, чтобъ поставить книгу на указанное каталогомъ мѣсто, можетъ быть рядомъ съ Лингардомъ или Макоулеемъ. Если случится, что сосѣднія книги можно раздвинуть, то новая ставится безъ хлопотъ; но если на полкѣ тѣсно, то библіотекаръ или втискиваетъ книгу такъ, что ее вынуть трудно, или наконецъ поставитъ сзади, во второй рядъ, но непременно противъ того мѣста, гдѣ-бы ей слѣдовало стоять въ первомъ ряду. Мнѣ случилось видѣть книги и сжатые до нельзя и стоящіе въ два ряда.

Кромѣ отдѣленія всеобъемлющей исторіи, есть отдѣленія и другихъ наукъ: естествознанія, математики, искусствъ и проч. Въ этихъ отдѣленіяхъ система столько-же необыкновенна, какъ и въ исторіи. Технологія, напримѣръ, отнесена къ математикѣ, и вслѣдствіе этого поваренныя книги очутились возлѣ астрономіи. Въ естествознаніи можно встрѣтить того-же Палласа, который стоитъ въ исторіи Россіи. Это допускается въ томъ случаѣ, если библіотека имѣетъ два экземпляра одного и того-же сочиненія. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ два экземпляра собранія Византійскихъ историковъ въ двухъ разныхъ залахъ: одинъ въ отдѣленіи филологіи, а другой — исторіи восточной имперіи. Въ Дрезденской библіотекѣ по каталогамъ считается до 500,000 сочиненій; но въ этой цифрѣ заключается и большое количество дублетовъ, которые, какъ я сказалъ выше, размѣщены по разнымъ отдѣленіямъ. Въ верхнемъ этажѣ есть комната совершенно-темная по причинамъ зависящимъ отъ фасада зданія, чему есть примѣры и у насъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ: архитекторъ нашелъ